

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

От редколлегии

Этот выпуск периодического издания «Петербургская социология сегодня» открывает раздел автобиографической книги «История жизни Будимира Тукумцева, рассказанная им самим», публикуемый с любезного разрешения Ирины Будимировны Олимпиаевой, дочери Б. Г. Тукумцева. Совсем недавно, 25 апреля с. г., в рамках работы всероссийского научного семинара в Социологическом институте РАН — филиале ФНИСЦ РАН состоялась презентация сборника научных трудов Будимира Гвидоновича, изданного в Самаре, где прошел, может быть, самый плодотворный период жизни Б. Г. Тукумцева. Большая жизнь Будимира Гвидоновича (1927–2021) вместила в себя и предвоенное время, и Великую Отечественную войну, и послевоенную разруху, и налаживание мирной жизни. Все эти этапы отражены в книге человеком, который остро ощущал характерные приметы происходящего и сумел живо донести до нас пережитое, настолько живо, что остается лишь удивляться цепкой памяти автора, его рефлексии на происходящие события. Родные Будимира Гвидоновича опубликовали его жизнеописание: книга была издана в 2023 году тиражом всего лишь 50 экземпляров. Прочитав описание жизни близкого всем нам и глубокоуважаемого Будимира Гвидоновича (он работал в Социологическом институте РАН с 2005 по 2017 год), мы, члены редколлегии, единодушно решили, что эта работа имеет несомненную научную ценность и с ней должно ознакомиться как можно больше читателей. Возникла идея публикации тех разделов книги, в которых описаны переломные события: эвакуация из почти блокированного Ленинграда, взросление и «трудовой фронт», получение образования, наконец, активное участие в возрождении отечественной социологии.

Надеемся, что публикация разделов книги Б. Г. Тукумцева вызовет интерес читателей: пожилые смогут найти в них отголоски собственных судеб, а молодые узнают подробности повседневной жизни на фоне великих событий и перемен.

Б. Г. ТУКУМЦЕВ

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ БУДИМИРА ТУКУМЦЕВА, РАССКАЗАННАЯ ИМ САМИМ

Эвакуация

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди...
К. Симонов, 1941 год

Июнь 1941 года

Когда мне случается бывать на Петроградской стороне моего родного Питера, да еще вблизи Князь-Владимирского собора, я непременно стараюсь пройти по улице Блохина. Неспешным шагом иду я по ней, или со стороны Большого проспекта, или от переулка Нестерова, постепенно приближаясь к старинному красивому зданию с куполом наверху. И останавливаюсь у входа в него под изящным металлическим навесом. За этой дверью находятся и живут своей привычной жизнью хорошо знакомые мне учебные аудитории моей родной школы № 77.

Когда-то, много лет назад, мне довелось здесь учиться. Это было очень давно. Весной 1941 года вместе с моими друзьями-одноклассниками я окончил здесь седьмой класс. С тех пор вокруг мало что изменилось. Так же, как и в годы нашей учебы, шелестит перед школой своей листвой сквер с ухоженными дорожками. В те далекие годы на большой перемене мы успевали поиграть здесь в казаки-разбойники. Все так же шумят трамваи и автобусы, двигаясь по проспекту Добролюбова. Спешат на уроки мальчишки и девчонки. Хлопают, как и прежде, входная дверь. Словом, живет наша родная alma mater.

А тогда, в 1941 году, все мы, ребята 7-го класса, сдали экзамены и в полном составе перешли в следующий, восьмой, класс. Началась пора каникул. Расставаясь на лето, никто из нас и представить себе не мог, что нам уже никогда не придется здесь вместе учиться и что до начала страшной войны 1941–1945 годов осталось меньше месяца.

Почти все мои друзья-одноклассники разъехались на летние каникулы кто куда. Между тем нам с сестрой Ладой (а она окончила в тот

год четвертый класс) никуда уехать не удалось. Родители были заняты на работе, а бабушка, с которой мы обычно выезжали за город, была больна. Пришлось нам подыскивать себе летние занятия в городе.

Несмотря на отпускное время, обстановка и дома, и везде, где нам доводилось тогда бывать, была хмурой, напряженной. И напряженность эта неотвратимо увеличивалась. Причин для этого было более чем достаточно. На протяжении всего последнего времени на западе, в странах Европы, с угрожающей периодичностью по инициативе фашистской Германии возникали военные конфликты. И территория немецкого рейха, поглощая одну страну за другой, все более приближалась к нашим границам. Сводки и военные комментарии по этому поводу мы ежедневно слышали по радио, читали в газетах, обсуждали подробности с друзьями, а по вечерам — с родителями. В тот год мне исполнилось 14 лет. Благодаря отцу я много чего знал о событиях в мире. Знал о том, что к власти в Германии пришли фашисты во главе с их лидером Гитлером. Знал, как, используя разные поводы, германский вермахт сумел захватить или подчинить себе почти все европейские страны.

На большой карте Европы, которая висела у нас дома, я видел эти страны. Видел, как благодаря германскому политическому произволу угроза войны все более приближается к нашим западным границам. И к весне 1941 года две армии практически стояли уже лицом к лицу. Опасность этого противостояния тогда ощущали многие. То, что советским Правительством был подписан с Германией пакт о ненападении, мало кого успокаивало. Ведь с поляками у Германии за семь лет до того также был подписан пакт. И что стало с Польшей?

Поэтому в те предвоенные годы никого не удивлял тот факт, что, используя все средства массовой информации, руководство страны настойчиво призывало население готовиться к возможной войне. Даже кинофильмы, которые мне в то время удалось посмотреть, обязательно содержали в себе либо эпизоды о подготовке нашей армии к войне, либо о полномасштабном начале будущей войны, как оно представлялось деятелям кино. Все это не могло не вызывать не только у взрослых, но и у нас, подростков, тревожных представлений о ближайшем будущем.

На улицах города, почти рядом с нашим домом, мы могли наблюдать, как работников предприятий обучают применять средства противовоздушной и противохимической защиты. Такие учения шли во всех районах города. Всем жителям, и взрослым, и детям, были выданы противогазы. Мы должны были постоянно носить их с собой.

Подготовка к войне коснулась и содержания школьных занятий. В 1940–1941 учебном году в расписание старших классов (начиная

с седьмого) были включены уроки военного дела. Преподаватели, а это были командиры Красной армии, обучали нас чтению армейских карт, основам ведения разведки, обращению с винтовкой, с гранатами. Учили определять тип своих и германских самолетов и танков, умению от них укрыться. Готовили нас также к перевязке ранений разного типа. И мы постепенно свыкались с тем, что война неизбежна.

Ночная канонада

Вот на таком фоне и в такой обстановке проходили первые летние дни 1941 года. Как-то незаметно подошло 22 июня. Когда я пытаюсь воспроизвести события той последней предвоенной ночи, в памяти возникает комната на Съезжинской улице (что на Петроградской стороне) и завешенное шторой окно. Без такой шторы в белые ночи в Питере заснуть трудно. В ту ночь все мы крепко спали. Следующий день был воскресным, и у каждого из нас были на него свои виды и планы.

Проснулся я необычно рано. Проснулся от непонятного грохота-гула. Он проникал в комнату из-за плотной шторы. Судя по повторяющимся глухим перекатам, источник этого грохота был достаточно далеко. Вначале мне показалось, что это раскаты грома. Что приближается сильная гроза.

Это меня огорчило. В воскресный день мне предстояло дежурить на выездном спектакле Ленинградского театра юного зрителя. Он должен был состояться в летнем кинотеатре на Кировских островах. В те годы была такая форма содружества школ с детским театром. При ТЮЗ был создан клуб школьных делегатов. И они по очереди дежурили на спектаклях, помогая педагогам. Это считалось престижным. А тревога моя была связана с тем, что в дождь спектакль мог не состояться — летний кинотеатр не имел крыши.

Я посмотрел на стенные часы. Было ровно 5 часов утра. Грохот, похожий на гром, не стихал. Я подошел к окну и отдернул штору. То, что я увидел, было для меня неожиданным. В лицо брызнуло раннее утреннее солнце, и я увидел совершенно чистое, голубое небо. Между тем далекий гул не прекращался. В душе начала накапливаться тревога и даже страх. Потому что то, что я слышал, стоя у окна, не было похоже на грозу. Это было что-то совсем другое. И я решил будить родителей. Но неожиданно грохот прекратился. Резко и сразу. И наступила полная тишина! Подождав немного и посмотрев еще раз в окно на ясное, солнечное небо, я решил тревоги не поднимать. Утром будет больше возможностей выяснить, что это было такое.

Но родители утром моих страхов не поддержали. Они сочли, что это были громовые раскаты, которые звучали где-то очень далеко. И точка! Спорить было бесполезно. И я отправился на трамвае на Кировские острова.

Трамвай неспешно шел по тихим улицам Приморского района. Но когда он добрался до остановки Барочная, эта тишина была нарушена. Заговорили громкоговорители, установленные на доме рядом с трамвайной остановкой. Выглядело это необычно. Громкоговорители относились к системе противовоздушной обороны и со времен Финской войны 1939–1940 годов молчали и не упоминали о себе. Теперь же пассажиры трамвая и те, кто стоял на остановке, услышали, что в 12 часов будет передано важное правительственное сообщение.

Доехав до конечной остановки, я увидел у входа в парк возле таких же, как на Барочной, громкоговорителей множество людей. Выяснилось, что выступает от имени правительства В. М. Молотов, который только что сообщил, что в 4 часа утра вооруженные силы Германии напали на нашу страну. Сообщил также и о налете немецких бомбардировщиков на города Севастополь, Киев, Минск и Ленинград. Говорил он также о мерах, которые должны были быть приняты в связи с началом военных действий, но все это как-то не воспринималось. Главным было то, что на нас обрушилась война, о которой мы столько времени говорили.

Я, конечно, сразу понял тогда, от чего я проснулся в то утро. Мне довелось стать невольным свидетелем первых залпов этой самой начавшейся войны. Уже после ее окончания я узнал подробности того первого немецкого налета на Ленинград, прочитав книгу адмирала Кузнецова «На флотах боевая тревога». В годы войны он был наркомом ВМФ. Стрельбу по немецкой эскадрилье вели в ту ночь орудия Кронштадта и военных кораблей, заблаговременно, с вечера, вышедших в Финский залив. Они успели встать на боевое дежурство и не пропустили, а повернули назад немецкие бомбардировщики. Ни один из них в тот первый день войны в Ленинград не прорвался. Таким же образом было встречено нападение немецкой авиации и на Севастополь. Отечественный флот в ту ночь продемонстрировал образцовую подготовку к ведению военных действий. А вот Киев и Минск подверглись жестокой бомбежке.

Приехав домой, я застал плачущую маму. Отец и сестра с утра уехали в Удельный парк на прогулку. И судя по всему, еще ничего не знали. Между тем время войны начало свой кровавый отсчет.

В школе — военный госпиталь

Уже на следующий день, утром 23 июня, к нам домой прибежала девочка-шестиклассница и сообщила, что нашу маму, заведующую школьной библиотекой, и меня, семиклассника, срочно вызывают в школу. В здании школы размещается военный госпиталь, и все школьное имущество и библиотеку необходимо перевезти в помещение другой школы на Зверинской улице. В школу просят прийти всех старшеклассников, которые оказались в эти летние дни в городе.

Подойдя к зданию школы, мы увидели, что к ней подъехало необычно большое число конных подвод. Они заполнили всю улицу Блохина. Часть подвод профессиональные грузчики начали готовить к перевозке парт и мебели. А старшеклассникам было поручено заняться погрузкой на телеги учебных пособий, школьной библиотеки и другого, не очень тяжелого инвентаря.

Шагая рядом с нагруженными подводами в сторону Зверинской, мы видели, что в нашем скверике перед школой большая группа работников какого-то предприятия копает глубокие траншеи. Сооружались также землянки и широкие площадки. Как мы узнали потом, здесь разместилась зенитная батарея.

Словом, к вечеру все было перевезено. И в школу начал въезжать военный госпиталь. А канцелярия школы и директор, со всеми архивами и документами, переехали в небольшой домик во дворе.

Едем в Новгородскую область

Прошла первая неделя. В городе ежедневно объявлялись воздушные тревоги, завывали сирены, останавливалось движение транспорта. Но до города немецкие самолеты пока еще не долетали. Тем не менее город готовился к воздушному нападению. В скверах и на набережных появились первые зенитные батареи, прожекторы. Памятники начали обкладываться мешками с песком или их увозили и прятали в укрытиях. Петр I на площади Декабристов превратился в большой холм из мешков с песком. Коня с Аничкова моста были увезены. Первые группы горожан отправились за город, в сторону Луги, на строительство оборонных сооружений.

Началось создание народного ополчения. Один из таких пунктов находился рядом с домом, где жила наша семья. На небольшой площади, образовавшейся на пересечении улиц Съезжинская и Б. Пушкарская, прямо под открытым небом стояли столы и шла запись добровольцев

в ополчение. Желающих было много. Тут же формировались отряды, вручалось оружие. Сформированные группы уходили с площади строем.

О том, что происходит в зоне боевых действий, ни мы, ни кто-либо из наших знакомых не имели никакого представления. По радио несколько раз в день передавались военные сводки. Но, слушая эти сводки, понять, где ведутся военные действия, было невозможно. Лишь иногда сообщалось, какие большие города оставила Красная армия. Это давало основание делать вывод, что наши войска отходят. Подтверждали это и появившиеся в городе беженцы.

На восьмой день войны, 29 июня, неожиданно пришло распоряжение городского отдела народного образования: «вывезти всех учеников, находящихся в данный момент в городе, в сопровождении педагогов в сельскую местность, спасая от вполне вероятных бомбардировок». Адресами эвакуации стали сельские населенные пункты Псковской и Новгородской областей. Непосредственно нашей школе было предписано вывезти учеников в деревню Каменный Остров Боровичского района Новгородской области.

Как мы узнали позже, это был не единственный вариант эвакуации школьников. Какую-то часть учеников города начали направлять группами в города Приуралья, на Волгу. Они организованно, без родителей, но с представителями городского отдела образования, выезжали из Ленинграда пассажирскими поездами, пока те еще ходили. Но основным вариантом эвакуации, ориентированным на отъезд значительно большей части детей-школьников, была эвакуация в Псковскую и Новгородскую области.

Родителям учеников нашей школы, которые согласились на отъезд своих детей (кстати, таких родителей оказалось не так уж много), было сразу же сообщено, что их дети будут размещены в деревне Каменный Остров Боровичского района Новгородской области. Состоялось формирование групп. За каждой группой был закреплен педагог. Наша мама, которая была заведующей библиотекой школы, выразила готовность, несмотря на свою инвалидность (она ходила с палочкой), выехать в качестве руководителя одной из таких групп школьников. И мы с сестрой, естественно, оказались в ее группе.

В назначенный день на Витебский вокзал был подан состав из двухосных грузовых вагонов, оборудованных нарами из досок. В каждом из них разместилось по две группы с преподавателями. Группы включали в себя до 15 человек. Отправились мы поздно вечером по железнодорожной магистрали, идущей в сторону Москвы. А уже ранним утром эшелон прибыл в город Боровичи, свернув с Московской магистрали

на север. Отсюда нам предстояло добираться до назначенной нам для жительства деревни. Кроме нас в эшелоне прибыли ученики еще нескольких школ Петроградского района. Они разместились в других населенных пунктах. Все шло строго по плану.

После небольшого ожидания нас повели кормить в местную столовую. А затем объявили, что каждую школу ждут колхозные подводы. Мы быстро нашли «своих» возчиков, погрузили на телеги наш нехитрый багаж, посадили младших ребят. На подводы сели и некоторые наши учителя, которые постарше. Состоялась переключка — все оказались на месте. И мы двинулись в путь.

Через какое-то время в одной из деревень нас встретили, напоили молоком и дали по куску свежего ржаного хлеба. И опять в дорогу. Так мы шли очень долго, дотемна. Наконец свернули с тракта в большую деревню, где нам предстояло переночевать. Нас хотели покормить, но есть мы уже не могли. Во всем теле была страшная усталость. Ребята жаловались на боль в ногах. Нас отвели в здание местного клуба. Там мы буквально рухнули на пол и тут же уснули. К еде никто не притронулся.

Проспали часов двенадцать. Утром аппетит был волчий. И поход продолжился. Надо было добраться до деревни Каменный Остров, конечного пункта нашего перехода, до темноты. Уже смеркалось, когда мы до нее дошли-доехали. Радость по поводу того, что мы достигли финиша, позволила забыть об усталости. Между тем прошагали мы за два дня чуть больше 30 километров.

Небольшая деревня Каменный Остров расположилась на возвышенности, среди лесов и лугов, в глухом новгородском углу. Встретили нас дружелюбно. Всех учеников поселили в здании большой сельской школы. На полу лежали набитые сеном матрасы. Там же расположилась и наша кухня-столовая. Учителя разместились в домах сельских жителей. Но по очереди ночевали в школе, вместе с ребятами.

Жизнь наладилась быстро. Днем ходили на прополку колхозных огородов, зарабатывали овощи. Собирали хворост для кухни, а заодно землянику. Занимались спортом. Каждый день после обеда, к вечеру, учителя приходили в здание школы и общались со своими группами. Один из учителей круглосуточно дежурил в школе. Ну чем не пионерлагерь!

За зданием школы начинался еловый лес, в который от села шла поросшая травой дорога. По обеим ее сторонам цвел розовый иван-чай, жужжали пчелы. Ничто не напоминало о войне. И мы уверовали в то, что нам-таки удалось уехать подальше от угрозы военных действий. К сожалению, скоро эта уверенность исчезла.

Немецкий бомбардировщик

Четыре дня спустя, когда наш лагерь начал жить по установленному распорядку, я решил «до подъема» совершить прогулку вокруг деревни. Встал без четверти семь и пошел к лесу по той самой поросшей травой и иван-чаем дороге, что начиналась за школой. И неожиданно, почти дойдя до лесного массива, услышал мощный гул авиационных моторов. Я начал крутить головой и увидел приближающийся ко мне на небольшой высоте (ну чтобы было понятнее — на высоте трех-четырёхэтажного дома) огромный самолет темно-зеленого цвета. Он летел мимо меня над лесом очень низко, едва не задевая верхушки деревьев. Я отчетливо смог разглядеть его фюзеляж с большим черно-белым крестом. Через стекла кабин были хорошо видны головы пилотов в шлемах. Поскольку изображение немецких самолетов мы изучали в школе на уроках военного дела, я без труда узнал в пролетавшей громадине средний немецкий бомбардировщик «Юнкерс». Вернувшись, я рассказал об этой неожиданной встрече своей маме, а она остальным преподавателям. Это их страшно встревожило. Но как поступать в такой ситуации — никто не знал. Сообщили в сельсовет. Но там уже знали о полетах Юнкерса и сообщали об этом не раз в Ленинград.

Теперь я стал специально вставать ежедневно без четверти семь. Жил я в комнате, которую снимала в частном доме наша мать, и никого не тревожил. Одевался и шел на лесную дорогу, чтобы наблюдать полет обнаруженного мною «рейдера». Говорить ребятам о моих утренних походах и о самолете мне запретили. А может быть, зря?

Местные жители, которые, как оказалось, уже во всем разобрались, рассказали педагогам, что этот Юнкерс уже много дней летает бомбить Рыбинскую железнодорожную линию, которая ведет в Ленинград. Эта линия проходит почти параллельно Октябрьской железной дороге, по которой мы сюда приехали, но севернее. Говорили, что самолет после бомбежек возвращается другим маршрутом, западнее нашей деревни. И там, на лес, в болота сбрасывает неиспользованные бомбы. Вот такой нам преподнесла судьба сюрприз!

Каждый раз, выходя утром к лесу, я надеялся, что Юнкерс не пролетит, что его наконец подбили. Но он нагло летал, как по расписанию. А поскольку держался малой высоты, не боялся быть обнаруженным.

Между тем в деревне все чаще стали появляться отцы ребятишек, оказавшихся в нашем лагере. Они забирали их и увозили в Ленинград. На вопросы о причинах такого решения они предпочитали отмалчиваться.

Но беспокойство за нашу безопасность у учителей, судя по разговорам, которые они вели между собой, нарастало. Мне, как сыну одного из преподавателей, доводилось это слышать. По слухам, которые начали до них доходить от местных жителей, немцы двигались не на Ленинград, а в обход Ленинграда. Причем они охватывали с юга и Боровичский район, где находились эвакуированные школьники. Но слухи — это слухи. Доверять им было нельзя и даже опасно. Нужны были факты и очевидцы.

Подтверждение, что это действительно реальные факты, мы получили очень скоро. 24 июля к нам в деревню неожиданно приехал (точнее — пришел) мой отец, Гвидон Романович. Педагогический областной институт, в котором он работал, эвакуировали. И его приняли по его просьбе на работу в нашу 77-ю школу, направив к нам в деревню Каменный Остров в качестве педагога. В это тревожное время он, естественно, хотел быть с нами. В армию его не брали. Ему был 51 год и у него был только один глаз.

Добирался он до нас непросто. Поезд довез его только до станции Окуловка. Дальше железнодорожное сообщение отсутствовало. Немецкие войска перерезали Московскую магистраль около станции Бологое. Отцу пришлось добираться до города Боровичи, а затем до нашей деревни с ночлегом на полпути. Некоторое расстояние от Окуловки он проехал на попутной машине, но в основном шел пешком. Всего ему пришлось преодолеть около 60 километров.

От него мы узнали, что немцы перерезали Октябрьскую железную дорогу, по которой мы приехали из Ленинграда, и дорога перестала функционировать. Путь для нас назад по Октябрьской железной дороге был закрыт. По пути к нам отец видел, как бегут, спасаясь от наступающих германских войск, школьники, эвакуированные в деревни южнее Октябрьской железной дороги. Встретились ему даже воспитанники детского сада с воспитателями, которые добрались до железной дороги и теперь шли по шпалам к станции Окуловка, чтобы вернуться в Ленинград. Из разговоров с воспитателями этих детей отец узнал, что в южной части Новгородской области часть ленинградских школ уже оказалась на территории, занятой немцами. Рассказали они также, что по пути к ним подъезжали немецкие мотоциклисты.

Добравшись до нас, отец подробно рассказал нашему директору и учителям все, что он видел и слышал. Это вызвало большой переполох. Худшие предположения подтвердились. И тогда директор школы Ольга Ивановна отправилась в соседнюю деревню, где находился сельсовет, чтобы связаться по телефону с Ленинградским отделом народного образования.

Вернувшись, она рассказала моим родителям, как общалась с этим отделом. Сначала ее, как она и ожидала, сотрудник отдела обругал и обвинил в паникерстве и распространении ложных слухов. Тогда она, выдержав паузу, подробно пересказала все то, что сообщил ей наш отец, который в тот момент уже являлся преподавателем нашей школы. Это был уже веский аргумент, а не слухи. На том конце провода замолчали, задумались и обещали позвонить через два часа. Ольга Ивановна прождала у телефона в сельсовете пять часов. Там уже все ушли с работы. И вот позвонил телефон и из Ленинграда поступила команда: «возвращаться в город, но не через Боровичи и не через станцию Окуловка, а северным путем — по Рыбинской железнодорожной линии со станции Хвойная. Туда через два дня, 26 июля к 19 часам вечера, сообщили из Ленинграда, подойдет состав из грузовых вагонов». Этот состав предназначается не только для нас, а для всех питерских детей и педагогов, находящихся в Боровичском районе. Эшелон должен доставить всех в Ленинград.

Радости не было предела. Ведь немислимо было даже представить себе, что нас ожидало в этом районе дальше. В тот же вечер работники сельсовета оповестили об отъезде все ленинградские школы, находящиеся в Боровичском районе. На сборы были даны одни сутки. Председатели колхозов, где жили школьники, без разговоров выделили подводы, дали продукты на дорогу.

В назначенный день учителя со своими группами школьников направились из деревень Боровичского района на станцию Хвойная. Расстояние от нашей деревни (около 20 километров) мы преодолели за семь часов. И еще засветло добрались до станции. Порожний состав стоял на боковом пути. Там же нас ожидал и начальник эшелона. Мы разместились в таких же, как и при отъезде из Ленинграда, грузовых, оборудованных нарами, вагонах и стали ждать, когда придут остальные школы. Ждать пришлось до глубокой ночи. Некоторые школы жили в деревнях, расположенных от станции значительно дальше Каменного Острова, и добирались из последних сил.

Через зону боевых действий

Размещением школ в вагонах руководил начальник эшелона, который затем сопровождал нас до самого Ленинграда. Сразу же после окончания посадки он назначил старших по каждому вагону. Затем собрал их и провел инструктаж о требованиях к пассажирам при следовании по зоне военных действий. Вот так теперь назывался предстоявший нам

путь. В нашем вагоне старшим был назначен мой отец, и он рассказал нам об этих требованиях.

Следовало знать, что, если поезд дает протяжный гудок и останавливается, необходимо быстро покинуть вагоны и бежать подальше от железнодорожного полотна. Такая команда подавалась в том случае, если была вероятность бомбежки поезда. При взрыве где-то рядом бомбы или снаряда надо было упасть на землю лицом вниз и закрыть голову руками. Затем следовало добежать до воронки от разорвавшейся бомбы и спрятаться в нее. Второй раз в одно и то же место бомбы, по мнению военных, не попадают.

Если на поезд совершают налет истребители, паровоз подает короткие гудки и максимально ускоряет ход. Пассажиры должны в этом случае прямо в вагоне спрятаться под своими вещами. Можно под нарами или под какими-то другими предметами. Ну и так далее, в таком же духе. Было даже такое требование: не допустить проезда в вагоне посторонних людей. Ими могли оказаться немецкие разведчики, пытающиеся таким путем проникнуть в Ленинград.

Ранним утром 27 июля, когда мы все еще спали, поезд тихо тронулся с места в сторону Питера. Началось путешествие по местам, которые, судя по содержанию инструктажа, спокойной поездки нам не обещали. Сначала скорость поезда была приличной. Колеса ритмично постукивали на стыках и способствовали хорошему сну. Но вот движение стало все более замедляться. Казалось, поезд вот-вот остановится. Мы открыли широкую вагонную дверь и обомлели.

Все пространство от железнодорожной колеи до лесопосадок, что тянулись вдоль путей, было изуродовано воронками от взрывов и утыкано бесчисленным числом неразорвавшихся авиационных бомб. Это была какая-то ярмарка бомб. Они были разного размера и разной окраски (голубой, желтой и даже розовой). Некоторые из этих бомб торчали прямо рядом с торцами шпал. Их поезд проезжал с черепашьей скоростью. Между неразорвавшимися бомбами высились горы развороченной взрывами земли. Это было пугающее зрелище. Ехали мы молча. Бомбовое пространство тянулось на расстоянии трех-четырех километров. Было такое впечатление, что мы едем через склад боеприпасов.

Потом, когда мы уже пришли в себя, мы удивились столь большому количеству бракованных бомб у немцев. Бомб, которые не взорвались. Но причину этого мы так никогда и не узнали. Какое-то время мы ехали в тишине и без приключений. Поезд держал приличную скорость. Мы позавтракали из тех запасов, что были приготовлены нашей школьной поварихой в дорогу. Появилось хорошее настроение, начали шутить.

Но, начиная с одного из разъездов, начались бесчисленные и длительные стоянки. Наш директор Ольга Ивановна с каждой станции или разъезда, с которой нас не выпускали, звонила диспетчеру, требуя вывезти детей из опасной зоны. Ничего не помогало. Мы подолгу ждали, пока пройдут встречные эшелоны. Рыбинская дорога была однопутной. И по ней никогда не ходило столько поездов, сколько скопилось на ее станциях в эти дни войны.

Особенно продолжительными были стоянки, когда мимо нас один за другим шли ремонтные поезда к местам, где эту дорогу бомбили. И мы хорошо понимали, что без восстановления путей мы вообще никуда не уедем. И поминали их добрым словом, когда ход нашего поезда на перегоне замедлялся, и он бережно «переползал» через только что засыпанные воронки. Простаивая длительное время на разъездах, мы натащили на нары большие охапки травы. Спать стало мягче. Но шел уже четвертый день путешествия. Горячая еда кончилась. Приносили только кипяток и сухари.

На пятый день после очередной ночной стоянки нас опять выпустили с разъезда. Ехали быстро. Это радовало. Но вскоре радость сменилась испугом. Паровоз начал не только ускорять ход, но стал давать частые тревожные гудки. Следовало понимать, что появилась воздушная угроза. Я стоял посреди вагона напротив открытых дверей. Но самолетов не видел. «Истребители!» — вдруг хором заорали ребята, сидящие на полу у левой по ходу двери, и стали показывать куда-то вперед.

Я подошел к ним и увидел, что навстречу нам, вдоль эшелона, почти рядом с вагонами, летят друг за другом два истребителя типа «Мессершмитт». По правилам необходимо было куда-то прятаться. Но мы буквально остолбенели и стояли у дверей не двигаясь, как завороченные. Я смотрел в упор на две стремительно приближающиеся боевые машины. Это были какие-то секунды. Все, кто был в вагоне, застыли за нашими спинами, успев только встать с нар. Истребители пронесли мимо нас так низко, что нам были отчетливо видны лица пилотов, которые смотрели на нас. Я увидел зеленые глаза немецкого пилота, который вел первую машину. Крыша его кабины была открыта, а очки подняты на лоб. И он смотрел на меня. Это было мгновение, доля секунды. Но я запомнил его взгляд на всю жизнь. Затем, выглянув из вагонных дверей им вслед, мы увидели, что вторая, ведомая, машина начала делать правый разворот, чтобы (а это нам объясняли на уроках военного дела) зайти поезду в хвост и дать очередь по крышам от хвоста до локомотива.

Кто догадался, что сейчас будет, почувствовал непреодолимый страх. Что же? Конец? А чего еще можно было ожидать от двух боевых

германских асов, имеющих очевидное задание — парализовать железнодорожное сообщение на Рыбинской линии? Почему бы им было не воспользоваться возможностью безнаказанно разделаться с еще одним эшелонем?

Но тут случилось невероятное. И до сих пор для меня труднообъяснимое. Командир звена, пилот первой машины, два раза резко качнул крыльями. Дорога на этом участке была прямой, и самолеты были нам видны на большом расстоянии. Второй пилот прервал разворот и пристроился к командиру в хвост. И они улетели.

Мы долго не могли о чем-то говорить. Живы! Остались живы! Ведь если бы истребитель выполнил задуманное... Если бы он прошелся над поездом с хвоста до локомотива, расстреливая нас через крыши вагонов из четырех пулеметов и одной скорострельной пушки, нас бы некому было хоронить! Как страшный фильм, помню до сих пор эти секунды. Хотя все это прошло в одно мгновение. Перебирая в памяти пережитое и приходя в себя, мы наконец обратили внимание на то, что эшелон продолжает свое движение в сторону Ленинграда.

И минут через тридцать поезд прибыл на станцию Теребутинец. Вот тут-то ситуация военной зоны и однопутного движения «на нас отдохнула». Придя в себя после налета истребителей, мы простояли на этой станции более двух суток. Отец пришел с совещания вагонных старост и сообщил, что впереди по ходу немецкие самолеты бомбят станцию Будогощь. Поэтому разрешено пропускать туда только восстановительные поезда и эшелоны с оборудованием, которые следуют в сторону Урала, обратно.

Мы болтались по станции, лежали на вагонных нарах. У нас окончилась последняя выдача сухарей с кипятком. Мы выпили воду даже из станционного колодца. Ведро приходило снизу с грязью. Ходили за водой в лесок, к ручьям. Потом кипятили ее в вагоне-кухне. Про еду старались не говорить.

Мимо нас, без остановки, шло большое число поездов со шпалами, рельсами, щебенкой и путейцами, которые сидели сверху, прямо на платформах. Еще большее число поездов шло им навстречу, из Ленинграда. Длинные составы везли на платформах станки, мостовые краны, электродвигатели, котлы, турбины. Перевозилось оборудование больших и малых заводов на восток, для организации там производства вдали от линии фронта.

В эшелонах переезжала не только техника. Ехали работники этих заводов с семьями. Помню — гармошка даже играла. Эти поезда-заводы шли непрерывным потоком. В каждом таком составе была платформа

с зенитной установкой, которая предназначалась для защиты от авиации. Именно за этими поездами в первую очередь и охотились воздушные рейдеры вермахта.

За два дня, проведенных на разъезде Теребутинец, мы измаялись и изголодались. Голод глушили черникой и брусничкой. Ходили ее собирать в лес весь светлый день. Как шутил потом мой отец: «„натеребутинились“ досыта». Но наутро третьего дня внезапно прозвучал длинный свисток паровоза и эшелон двинулся дальше. И относительно быстро добрался до разъезда, который находился перед той самой станцией Будогощь, которую непрерывно бомбили.

И нас опять остановили! И не только остановили. Была дана команда «покинуть вагоны и убежать в лес, не менее чем на 200 метров от путей». К станции приближались бомбардировщики. У эшелона остались только старшие по вагонам, в том числе и наш отец. Естественно, что мы очень переживали за него. Наблюдали за ним издалека, с опушки леса. Бомбардировщики шли сравнительно невысоко. Три Юнкерса клином. К счастью, для нас это обошлось только испугом. Бомбардировщики прошли, но не стали тратить боеприпасы на отдельно стоящий эшелон. Зато полной мерой ударили вновь по станции Будогощь, которая представляла собой важный железнодорожный объект. Мы отчетливо слышали эти разрывы и выстрелы зениток.

Через пару часов, когда начало темнеть, мы вернулись в вагоны, уже более ни на что хорошее не рассчитывая. Правда, вода на этом разъезде была. И были несобранные в перелеске брусника и черника. Несмотря на сумерки, мы пошли ее собирать. Хотелось хоть что-нибудь пожевать перед сном.

И неожиданно ранним утром проснулись от длинного, обнадеживающего гудка нашего паровоза. Он означал, что нам разрешено въехать на станцию Будогощь! Для нас это было что-то невероятное! Шел восьмой день нашего возвращения в Ленинград.

Станция Будогощь, которую мы наконец проезжали с черепашьей скоростью, представляла собой зрелище, о котором можно сказать: «нарочно не придумаешь». При въезде, за входным светофором вверх колесами лежал паровоз. Справа и слева валялись разбитые, слегка скрученные вагоны. Огромные провалы в насыпи, по которой шел наш состав, были заложены шпальными клетками и по ним были проложены новые рельсы. А старые рельсы валялись вокруг, свернутые, как гигантские пружины.

На станции не было живого места. Земля была изрыта воронками. У станционных зданий отсутствовали окна и крыши. Но кругом

работали люди. Шло восстановление путей транспортного узла. Мы ехали по станции очень медленно. Но вот станция окончилась, и эшелон, ускоряя движение, двинулся к Питеру уже без остановок.

К середине дня 3 августа мы прибыли в Ленинград. Нас высадили из вагонов на станции Навалочная, недалеко от Волковского кладбища. Встречало нас какое-то городское начальство. Мы тепло попрощались с нашим директором — Ольгой Ивановной Зубриковой, благодарили ее за стойкость и неустойчивость.

Не помню, на чем мы ехали домой, на Петроградскую. Но так или иначе, наше более чем месячное пребывание в Боровичском районе и восьмидневное путешествие «по зоне боевых действий» окончились. Этот «смертельный круиз» не раз ставил нас на грань выживания (и это без сомнений можно утверждать). Восемь дней мы находились реально в «зоне боевых действий». И нам крупно повезло, коль скоро мы проехали через эту зону целыми и невредимыми. Спасибо и низкий поклон всем тем, кто этому способствовал.

Наш родной город, как мы заметили по дороге домой, еще более оцетинился зенитными орудиями, повысил свою готовность к налетам немецкой авиации. Заметили мы в небе и необычные для нас предметы, похожие на воздушные шары в форме рыбы с хвостовым оперением. Это были, как нам объяснили, аэростаты воздушного заграждения. Они появились над городом уже после нашего отъезда.

На следующий день к нам пришли друзья и знакомые родителей. Пришли соседи. Нам нелегко было общаться с ними. Они, естественно, хотели подробнее узнать о ситуации за пределами города. Потому что они даже не представляли себе того, что мы видели своими глазами. А мы по законам военного времени не имели права сообщать что-то выходящее за рамки официальных сводок. Об этом папу, маму, да и всех преподавателей и даже школьников, пассажиров эшелона строго предупредило встречавшее нас городское начальство. Но и не рассказывать о том, что мы видели, было бы нечестным по отношению к нашим знакомым и друзьям. Люди должны были знать, что угрожает городу и им самим. Что было делать? Рассказывали! Понемножку.

И мы вновь оценили значение приезда 24 июля в деревню Каменный Остров нашего отца. Информация, привезенная им, позволила спасти не только нас, но целый эшелон ленинградских школьников. Ведь все питерские школы, которые были эвакуированы в Боровичский район, находились в полном неведении о военной ситуации. И реально не имели никаких шансов на спасение. Через двенадцать дней после нашего возвращения нам (под большим секретом) стало известно,

что Рыбинская железная дорога и Боровичский район, откуда мы только что приехали, уже заняты германскими войсками.

Эвакуация в Северный Казахстан

Доехав в день возвращения на Съезжинскую, наша семья столкнулась с двумя неожиданными проблемами. Во-первых, мы не смогли купить в магазинах продукты, так как в городе была введена карточная система. А у нас, естественно, карточек не было. И нам пришлось в этот вечер обращаться за помощью к знакомым. Конечно, нас выручили. Кое-что дали.

Вторая проблема была сложнее. Она заключалась в том, что родители, будучи во время эвакуации в Боровичский район преподавателями школы № 77, оказались в день прибытия в город безработными. Вот такое небольшое «административное свинство». Сообщил им об этом прямо на перроне станции Навалочная представитель городского отдела народного образования, который встречал эшелон с детьми. Такое же уведомление об увольнении получили все преподаватели нашей школы, которые сопровождали детей на пути в Боровичский район и обратно. С формальной точки зрения это было логично. Еще 21 июня школа № 77 была официально закрыта. Там открывался госпиталь. Миссия по эвакуации детей в деревню Каменный Остров была завершена с прибытием эшелона в Питер. Какие вопросы?! И, к сожалению, никто не подумал о том, что прибывшим из эвакуации преподавателям следовало бы, наверное, дать какое-то время, чтобы трудоустроиться, чтобы получить продовольственные карточки. Почему-то это не считалось чем-то значимым с точки зрения городского руководства.

И на следующее утро отец отправился по поводу работы и карточек в администрацию Петроградского района. Там к нему отнеслись, не в пример чиновникам гороно, очень внимательно. Проблема карточек была решена сразу же. Затем ему и маме предложили места для трудоустройства, которые им могли бы подойти, учитывая их инвалидность. Но эти места были на предприятиях, требующих производственных навыков. А все гуманитарные учреждения либо были уже эвакуированы, либо их судьба находилась в стадии решения. Отец просмотрел эти списки и расстроился — подходящей работы не было.

Неожиданно, как бы между прочим, сотрудница райсовета предложила ему еще один вариант решения проблемы. Оказалось, что была возможность выезда в эвакуацию в Северный Казахстан, по путевке Ленинградского городского совета. По ее словам, жители района

к эвакуации из города интереса не проявляют, и путевки лежат уже давно. И отцу-то она предложила их в основном «для порядка». К ее удивлению, отец отнесся к предложенным путевкам более чем серьезно. И попросил дать ему время, чтобы посоветоваться с супругой.

Дома родители решение приняли незамедлительно, в тот же день. И на следующее утро отцу вручили удостоверение, подтверждающее эвакуацию семьи из Ленинграда решением городских органов власти. Вручили путевку на эшелон, отправляющийся 16 августа вечером с Московского вокзала, и разрешение на получение некоторых продуктов и хлебного пайка на 10 дней вперед. Начались сборы в путь.

Когда наши знакомые узнали о том, что мы эвакуируемся в далекий Казахстан, они, совершенно неожиданно для нас, дружно и энергично стали отговаривать родителей от такого шага. Нас тогда это очень удивило. Доводы у знакомых были очень разные, и выглядели они достаточно серьезно. Говорили, например, что если мы уедем, то можем потерять все имущество и свою квартиру. (К сожалению, так действительно и случилось.) Говорили о тяжелых условиях жизни в Казахстане, как трудно будет там устроиться, да еще во время войны. (Да, сначала так и было.) Пугали тяжелой, длинной дорогой на восток, да еще в военное время. (Здесь, правда, они ошибались. Поездка оказалась на удивление безопасной и обеспеченной всем необходимым.) Наконец, мы услышали и такой довод. Некоторые наши советчики утверждали, что войну в Ленинграде легче будет пережить, чем где-либо в другом, менее обустроенном, месте. Подумать только! И приводился этот довод не единожды!

Добрые, хорошие наши знакомые и соседи! Давая свои советы и желая нам добра, они, в отличие от нас, совершенно не представляли того, что их ждет с наступлением блокады, как вблизи выглядит война, которая тогда неумолимо приближалась к городу. У нас же, в противовес этим «разумным доводам», перед глазами стояли те восемь дней, которые мы только что провели «в зоне боевых действий», с бомбежкой и налетами. Сидели там без еды и воды. И готовы были отдать за спасение своих жизней не только квартиру. Там мы начали понимать, как выглядит настоящая война и что нас ждет в блокаду. И пытались объяснить это своим знакомым. Но они нас не слышали. Увы, на том и разошлись. Между тем наши родители хорошо понимали, что в складывавшейся на их глазах как вокруг города, так и внутри него военной обстановке они, будучи к тому же инвалидами, остаться в живых не сумеют. И детей не спасут.

Так единственно правильное решение было принято. Надо было собираться в дорогу. Правда, никто из нас толком не знал, что нужно

брать с собой в далекий Казахстан. На какой срок следует рассчитывать. В каких условиях мы там окажемся. Можно ли будет что-то из вещей купить на месте.

Наконец сборы были завершены. 16 августа, за два часа до отправления эшелона, мы с вещами добрались на грузовике до Московского вокзала. Эшелон растянулся своими вагонами от путей, с которых в мирное время отправлялись пассажирские поезда, далеко вдаль. По длине он в два раза, если не больше, превышал длину обычного пассажирского поезда. Состоял он из больших четырехосных грузовых вагонов.

Мы приехали рано и разместились в вагоне ближе к хвостовой части, у самого здания вокзала. В каждом вагоне было оборудовано восемь нар, в два яруса. Наша мама, имея уже опыт поездок в эшелонах, постелила одеяла и положила подушки на нижние нары у торцевой стенки вагона. Удобство такого размещения заключалось в удаленности этих мест от огромной двери.

Пришло время отправления, но эшелон был не заполнен. Ленинградцы явно не спешили эвакуироваться. Даже в нашей, хвостовой, части состава, которая находилась в пределах вокзала, не все места были заняты. Прошел час, потом два, но эшелон по-прежнему стоял на вокзале.

И вдруг как-то сразу в вагон начало входить большое число людей с вещами. Мы сразу обратили внимание на то, что это были не ленинградцы. Постепенно выяснилось, что идет посадка беженцев, добравшихся до Ленинграда из городов, в которые уже вошли немецкие войска. В основном из Прибалтики и Псковской области. Нары быстро заполнялись. Но поток беженцев не иссякал. Через некоторое время им пришлось уже занимать места на полу, между нарами и возле широкой вагонной двери. Но они были рады и этому. Наконец все пространство вагона было занято «под завязку». Стало тесно и душно. Но мы не огорчались. Начали знакомиться.

Отошел эшелон от вокзала лишь около полуночи. Двигался он не быстро, в полной темноте. Опасались налета. К августу от белых ночей не осталось и следа. Но вокруг не было видно ни огонька. Действовало затемнение. Длительное время наш путь проходил по пригородам в полной тишине. Лишь колеса постукивали на стыках.

Вдруг кто-то сказал: «Мга». Мы ехали через станцию Мга! Она была в те дни последним действующим железнодорожным выездом из Ленинграда, не перекрытым вермахтом.

Скорость снизилась. В это время сквозь облака начала появляться луна, и все, кто стоял у полуоткрытой двери, увидели, что вокруг

простирается большая железнодорожная станция, разгромленная так, что на всем ее пространстве не осталось ничего целого. Исправным был лишь один восстановленный железнодорожный путь, по которому шел наш эшелон.

В те дни этот путь оставался единственным средством сообщения города с остальной железнодорожной сетью страны. И нам посчастливилось им воспользоваться. Рыбинская ветка, по которой мы недавно, в начале августа, вернулись в город из школьной эвакуации, уже была в руках вермахта. Луна вновь ушла за облака. И, постепенно набирая скорость, наш эшелон начал свое движение в сторону неведомого нам далекого Северного Казахстана.

Послесловие

Через девять дней мы прибыли на место и оказались в далеком сибирском селе, расположенном на берегу большой сибирской реки Иртыш. Страхи и волнения, связанные с нашей первой эвакуацией в Новгородскую область и возвращением оттуда «через зону боевых действий», постепенно уходили в прошлое. Теперь мы оказались в глубоком тылу. Родителей приняли на работу преподавателями в среднюю школу села. Меня мобилизовали в трудовую армию и отправили на уборочные работы.

Именно тогда появилось и долгие годы не покидало меня желание разобраться, как могла произойти воистину трагическая эвакуация школьников Ленинграда в Новгородскую и Псковскую области, о некоторых эпизодах которой и рассказано в этом очерке. Кто ее придумал и осуществил? Правда, ставя перед собой такую задачу, я тогда даже не подозревал, сколько времени у меня на это уйдет.

Если вам довелось прочитать мой очерк, то вы, наверное, обратили внимание на то, что первым сигналом неблагополучия всей этой затеи с вывозом школьников в сельскую местность на юг от города стало появление над деревней, где мы жили, немецкого бомбардировщика «Юнкерс». Он каждое утро навещал нас и летел дальше на север, бомбить Рыбинскую железную дорогу.

С каждым днем подобных сигналов и сомнений в нашей безопасности появлялось все больше. И, конечно, самое тревожное сообщение принес нам мой отец. Он пришел к нам в деревню от станции Окуловка пешком, по путям бездействующей от Окуловки магистрали Ленинград — Москва. Он сообщил, что все деревни Новгородской области, находящиеся южнее этой магистрали, уже заняты немецкими войсками.

И эвакуированные туда школьники находятся под контролем войск вермахта.

Сообщение отца было передано в Ленинград. И нас, школьников Петроградской стороны, благодаря полученной информации спасли. Тогда выяснилось, что в Комитете по образованию о движении немецких войск никто вообще ничего не знал. О подходе немецких войск эти школы никто не предупредил. Разумеется, все ссылались на хаос в начале войны.

Но оставались без ответа главные вопросы. А кто вообще запрограммировал такую эвакуацию? Кто додумался направить детей из города на территории, по которой проходило одно из главных вероятных направлений наступления немецкой армии? И главное, что же стало со школьниками и детсадовцами, оставшимися на оккупированной территории, которые оказались в ловушке, вольно или невольно подготовленной чиновниками Ленинградского городского комитета образования?

Но ответов найти я очень долго не мог. Много-много лет спустя мне довелось узнать кое-что об аналогичной ситуации, которая складывалась в те дни в Псковской области. Эта область находится ближе, чем Новгородская, к старой границе страны.

Своими воспоминаниями о школьной эвакуации в Псковскую область поделился со мной мой добрый друг и коллега по научной работе профессор В. А. Ядов. В год начала войны он так же, как и я, оказался в эвакуации со своей школой. Их группа жила в деревне неподалеку от города Гдов.

В один из первых дней июля, ранним утром, когда все еще спали, к школе подъехало два автобуса. Руководитель района, прибывший с ними, забежал в здание школы и прокричал: «Всем быстро садиться в автобусы!». Мест не хватало, но влезли все. Автобусы выехали на шоссе, ведущее в Ленинград, и помчались. И тут все сидящие в автобусах, рассказывал Владимир Александрович, с ужасом увидели, что справа от шоссе, по которому они ехали, по заросшему полю в том же направлении движется длинная колонна немецких танков. На танках сидели немецкие солдаты, которые видели автобусы с детьми, но особого внимания на них не обращали.

Владимир Александрович вспоминал, что сидящие в автобусах ребята во время этого параллельного следования орали хором: «Фашисты сволочи! Победа будет за нами!» и т. п. Естественно и, может быть, к счастью, сквозь грохот танковых двигателей их крики немцы не слышали. Внезапно их колонна резко повернула в сторону от дороги. А два автобуса с детьми продолжили свое движение в сторону Ленинграда.

Что стало с остальными школьниками, которые были эвакуированы в Псковскую область, Владимир Александрович, естественно, не знал.

Рассказ коллеги обострил мой интерес к поиску ответа на мучавший меня вопрос, каким образом руководство Ленинграда, Военный совет Ленинградского фронта умудрились отправить школьников города на верную гибель, навстречу наступающей германской армии. Ведь в момент их отъезда из города шел уже девятый день войны, и складывающаяся на западных территориях страны ситуация военному командованию была понятной.

После окончания войны в стране регулярно отмечались годовщины, юбилейные даты, связанные с обороной города, со снятием его блокады. Но по поводу трагедии, которая случилась в результате странной эвакуации школьников в Псковскую и Новгородскую области, и пресса, и телевидение хранили молчание.

Прошло еще какое-то время. И только в конце 1970-х годов, приехав в Питер и работая в читальном зале библиотеки АН СССР, я наткнулся на старый ленинградский журнал, размещенный на выставке к очередной годовщине прорыва блокады. И неожиданно в этом журнале обнаружил большую статью о первых блокадных днях города. В этой статье довольно пространно говорилось о том, как появился тот самый план эвакуации детей из Ленинграда. Это была грандиозная находка. Статья отвечала почти на все вопросы, которые я себе задавал. И раскрыла причину произошедшего в тот первый месяц войны.

В статье говорилось, что план эвакуации школьников из города с целью спасения их от бомбежек в военный период, который и был использован в июне 1941 года, создали ленинградские специалисты народного образования вместе со штабом ПВО города. Там действительно было все предусмотрено до мелочей. Но создан он был не в 1940 и не в 1941, а в 1937 году, задолго до начала Великой Отечественной войны и по другому поводу.

Он создавался по заданию правительства для спасения школьников от бомбежек финской авиации, которые ожидалась во время войны с Финляндией. Война была задумана и осуществлена руководством страны, возглавляемым И. Сталиным, в зиму 1939–1940 годов. И план был успешно к этому сроку создан.

По плану детей предполагалось вывезти в Псковскую и Новгородскую области, поскольку они находятся на значительном удалении от Карельского перешейка. Но когда Финская война началась, стало ясно, что авиация Финляндии город Ленинград бомбить не будет. И план был положен «на полку».

В новой ситуации, в 1941 году, угроза бомбежки города уже под сомнение не ставилась. Поэтому эвакуация детей из города обрела актуальность. И тут, очевидно с радостью, чиновники народного образования обнаружили, что у них под руками находится готовый, утвержденный во всех инстанциях (никому показывать не надо) документ по организации эвакуации детей. А что еще нужно было аппарату городского управления для обоснования своих действий? Не исключено, что кое-кто из них даже не представлял себе, где эти области находятся и насколько они далеки от линии фронта. Вот уж воистину ярчайший пример тупоголовой чиновничьей глупости, превратившей дикую ошибку в преступление.

Но в статье не говорилось, какова же была судьба этих ребят. И очень долго я не мог ничего об этом узнать. И вот неожиданно, в мае 2021 года, по петербургскому ТВ мне удалось посмотреть передачу, посвященную жертвам немецкого концлагеря, который в годы войны был создан под Ленинградом в городе Гатчина. Сейчас на том месте, говорилось в передаче, открыт мемориал.

Наиболее важным для меня было то, что в составе узников этого лагеря находились ленинградские школьники, «оказавшиеся во время войны на территории Псковской и Новгородской областей». Сообщалось также о том, что все они в этом Гатчинском лагере и погибли. Они не только там работали, но у них еще систематически брали кровь для раненых солдат вермахта. Так мне наконец стала известна судьба тех ребят, которые не смогли из этой эвакуации вернуться домой, в свой город. Число их в передаче названо не было.

Вот таким оказался трагический итог эвакуации детей из города, задуманной во имя их спасения в июне 1941 года. Вернулись в город в полном составе только школьники Петроградского района (благодаря информации, полученной от нашего отца). Какую-то часть ребят успели вывезти родители, кое-кто убежал сам. Остальные погибли. Теперь об этом мне наконец удалось узнать. Вечная им память!

*Всеволожск,
2021 г.*